

**ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К СОЗАВИСИМЫМ КАТЕГОРИЯМ
«ТРУД» И «ВЛАСТЬ» В 1950–1980 ГГ.: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ
И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ**

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Аннотация. В статье на материале архивных источников и документов периодической печати, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, анализируется соотношение категорий «труд» и «власть» в свете общественного сознания производственного социума России 1950–1980-х гг. В тексте находит отражение проблема дезинтеграции низового сегмента и руководящего аппарата предприятий, в основе которой лежал социально-экономический и политический частнособственнический дисбаланс, маркируемый общественными проблемами, такими, как антисоветский образ жизни, сопряженный со злоупотреблениями хозяйственного сегмента. Комментируются обстоятельства преломления в народной среде трудолюбия и терпения, культивируемых властью через идеологические концепты. Автор приходит к выводу, что ввиду обособления хозяйственных и управленческих надпроизводственных кадров в коллективах рядовых рабочих зрело неприятие и недоверие к власти, фиксировалось прогрессирование операций по переосмыслению принципов отношения к труду. Следствием этого процесса стали метаморфозы мировоззрения, многообразные девиации в укладе рабочей повседневности и общественных практиках представителей народнохозяйственных комплексов.

Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, мировоззрение, повседневность, быт, труд, социальная жизнь, экономические факторы.

Для цитирования: Столетова А.С. Ценностное отношение рабочих к созависимым категориям «труд» и «власть» в 1950–1980 гг.: модели поведения и эмоционально-психологическое самочувствие населения // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 34–41. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41>

Research Article

**THE VALUE ATTITUDE OF WORKERS TO THE CODEPENDENT CATEGORIES
OF “LABOUR” AND “POWER” IN 1950–1980: BEHAVIOURAL PATTERNS
AND EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION**

Anna S. Stoletova, Candidate of Historical Sciences, Vologda State Agricultural Academy, Vologda State University, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Abstract. The article analyses the correlation between the categories “labour” and “political power” in the prism of public consciousness of the Russian industrial society of the 1950s–80s on the material of archival sources and documents of the periodical press, many of which have been introduced into scientific circulation for the first time. The text reflects the problem of disintegration of the lower segment and the management apparatus of enterprises based on socio-economic and political private-ownership imbalance, labelled by public strains as anti-Soviet way of life associated with malpractice. The author comments on the circumstances of refraction of the basic traits of diligence and patience cultivated by the authorities through ideological concepts. The author concludes that during the period and especially acutely by the 1980s, due to the isolation of economic and managerial overproduction personnel, the collectives of ordinary workers matured rejection and distrust of the authorities, and the progression of operations to rethink the attitude to labour was recorded. The consequence of this process was metamorphosis of world outlook, various deviations in the way of working everyday life and social practices of the representatives of national economic complexes.

Keywords: public consciousness, mentality, worldview, lifestyle, everyday life, work, social life, economic forces.

For citation: Stoletova A.S. The value attitude of workers to the codependent categories of “labour” and “power” in 1950–1980: behavioural patterns and emotional and psychological well-being of the population. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 34–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41>

Черты общественного сознания и поведения, формирующиеся в социальной среде производственного социума России в 1950–1980 гг. – крайне интересная и малоизученная тема в историографии. Проведенные к настоящему моменту исследования затрагивают лишь некоторые аспекты проблематики, обращаясь отдельно к указанным категориям [Вопросы труда; Труд в СССР 1968; Труд в СССР 1989] и вопросу общественного отношения к данным единицам [Гилязитдинова; Темницкий; Безнин, Димони; Хронова, Хлабыстова; Столетова 2021a]. В советское время в центре внимания находился производственный коллектив [Лузан 1964; Лузан 1978]. В постсоветское время ученых заинтересовал процесс формирования «нормы» отношения к труду – трудовой мотивации мобильности населения [Озерникова; Молодецкая, Попова]. Примечательны изыскания и рассуждения на тему границ власти рабочего класса [Редин] и вовлечения рабочих в управление государством [Кечин]. Здесь трудовая общность рассматривается не только как производительная, но и как главная общественно-политическая сила страны.

В ходе работы над исследованием источниковедческой базой явились преимущественно периодические издания и архивные материалы фонда Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Отметим, что совокупность документов, находящихся в нашем распоряжении на настоящий момент, в основном позволяет изучить структуры низового сегмента производственного социума [Столетова 2023], особенности и трансформационные основы представлений и мировоззрения рядовых рабочих (представителей производств, сферы услуг, работников сельского хозяйства) и их отношения к «верхним» управленческим и контролирующим «этажам». Служащие и рабочие рядового звена трудящегося класса оставили множественные отклики о трансформационных процессах, происходящих во властно-трудовых отношениях, а также о факторах, оказывающих влияние на нормы социального поведения. Как правило, они направлялись в советские газеты либо непосредственно в ЦК КПСС.

Отметим, что при оценке ценностного отношения рабочих советского общества строящиеся научные рассуждения основываются на принципах историзма, научности, системности, объективизма, на базовых подходах институциональной теории. Мы предлагаем рассмотреть категории «труд» и «власть» как сочлененный механизм, неразрывным элементом которого также являлась собственность. На разных этапах развития государства она выступала в различных ролях (общественная, коммунальная, корпоративная, индивидуальная), вызывая противоречия в трудовых коллективах, остросоциальные и злободневные явления.

На ранних этапах и в эпоху зрелости советского строя среди фундаментальных ментальных особенностей и общественных представлений (ввиду развитой пропаганды) выделялись ценность труда, аскетизм, забота о благе общества. Однако, несмотря на значимость общественных интересов, среди портретов общественных групп (в том числе в производственной среде) на протяжении второй половины XX в. поступательно развивался так называемый «не советский» образ жизни и деятельности. Примат материальных ценностей [Столетова 2020] и ориентация на потребление, накопительство, карьеризм, проникавшие в образ жизни и сознание низовой части трудовой общности с 1950–1960-х гг., вслед за распространением данных явлений в верхних этажах производственно-управленческой хозяйственной пирамиды, повлек за собой идеологическое сопротивление. Согласно государственным идеологическим построениям в периодических изданиях с довольно высокой частотой встречалась демонстрация негативного облика «летуна», с которыми партия боролась, пытаясь донести до сознания масс очевидность необходимости честного, совестливого трудового пути. К примеру, в одном из очерков за 1963 г. обозначено: «Б.А. Соколов за свою жизнь немало поколесил с завода на завод в поисках “счастья”. А счастье попадало ему в руки не однажды. Государство обеспечило Соколову возможность учиться в общеобразовательной школе, затем окончить школу фабрично-заводского обучения и получить специальность. Иди работай, добывай честным трудом все, что надо. Чтобы выручить из тяжелого положения, Соколова приняли токарем механосборочного цеха. Казалось, наступил конец мытарствам, надо браться за ум и за дело. Были созданы все условия для плодотворного труда и творческой инициативы, открыта дверь в активную общественную жизнь коллектива. Соколов же крепко усвоил одну сторону дела: заработок. Закон его жизни такой: пришел на смену, “сорвал” пятачок, вычистил станок и – домой. Соколов всегда выбирает работу повыгодней, работает без огонька, без живинки в деле. Он не внес ни единого предложения по улучшению организации труда или совершенствования технологии производства»¹. В противовес описанному образу в периодических изданиях довольно часто характеризовался добросовестный прототип рабочего: «Со своей семьей рабочий вологодского завода “Северный коммунальщик” Г.А. Сапогов многие годы жил в заводской квартире в деревянном доме. А недавно завком профсоюза и администрация предприятия предоставили ему уютную квартиру в новом большом благоустроенном доме. Старый токарь от души благодарит партию и государство за заботу и, немного волнуясь, говорит: – Спасибо, за все спасибо. Но в долгу я не останусь. Пока есть во мне

силы, буду и впредь также старательно трудиться на заводе, ставшем для меня родным домом. Сапогову можно верить! Он еще немало поработает на общее благо. И, видимо, еще не одна благодарственная запись будет занесена в его трудовую книжку»². В данной и многих однотипных заметках присутствует клишированность идей, языковые штампы, зависимость от госпропаганды, упоминается идея о величии «заботы партии». Здесь уместно обратить внимание на ограниченную самостоятельность сознания представителей производственного социума.

В то же время мнения представителей производственного социума отличало дифференцированное восприятие реальности. В одних рассуждениях – откровенная радость и гордость за свой коллектив, в других – тревога и растерянность. Одних авторов переполняло желание всем рассказать, как меняет человека участие в коммунистическом движении; других типизировало неверие в возможность каких-либо изменений. «Долго ли нас будут кормить обещаниями. Ведь это уже продолжается 35 лет. Ведь это отражается на политико-моральном состоянии большей части рабочего класса. ... Нам кажется, что надо начинать пересматривать наш управленческий аппарат и сокращать его. ... Возьмите последнее снижение цен – ведь это карикатура на снижение. Зачем это делать, когда это ничего не приносит... всю эту дрянь народ сносит ... Товарищ Ж* довел нашу область почти до полного разорения и его перебрасывают в новую область, чтобы там продолжать разорять дальше. По-нашему так, раз человек не справился с работой, так не ставить его опять на эту работу, а прислать к нам в гущу рабочего класса, вот он где бы научился работать. Подписываться пока не будем. Правда Вы скажете, что это написали люди антисоветски настроенные. Думайте что хотите, но это написали действительно рабочие, которые много повидали на своем веку», – указано в анонимном письме направленном в Воронежский обком 3 августа 1954 г.»³. В контексте сказанного отметим, что на имя XX съезда партии в ЦК КПСС поступило свыше 500 писем с изложением предложений по вопросам упрощения и сокращения аппарата советских и хозяйственных организаций, по улучшению руководства промышленностью и сельским хозяйством и др.⁴ В сознании трудящихся регистрировалось неодобрительное отношение к системе управления: «Руководители нашей партии очень много говорят о ликвидации бюрократизма в разрезе жалоб трудящихся. На деле же и по настоящее время на жалобы не реагируют, плюют. Жалобы, как правило, попадают не тому руководителю, которому они пишутся, ибо паутина секретарей и лакеев не допускает их до начальников. Жалобы утопают в паутинке, которой оплетены кабинеты высоких начальников. В результате разговоры о чутком отно-

шении остаются разговорами вообще, а конкретно мало встретишь советских людей, справедливые жалобы и просьбы которых оперативно удовлетворяются» (анонимное письмо, подборка писем в «Правду» за 1957 г.)⁵. Й. Крумов Бакырджиев (болгарский подданный), находящийся на строительстве угольных шахт в поселке Шолоховский Литвиновского района Каменской области, писал в письме от 9 декабря 1957 г. в Совет Министров СССР: «Бросаются в глаза беспорядки в организации труда, безответственное отношение руководителей, бездушные и бюрократическое отношение, проявляемое к трудящимся. Неоднократные ошибки в начислении зарплаты, неправильно закрываются наряды. Люди безгласные не могут ничего сделать»⁶. Примечательно, что критикующие сигналы поступали даже от иностранных рабочих, приехавших, как отмечено в источнике, «в великую желанную страну СССР, впервые в мире строящую коммунизм, с большим энтузиазмом»⁷.

Осуждение положения дел в обществе и неприятие проводимой политики возникали ввиду осознания необходимости кардинальных изменений в действующей системе отношений, усталости от бедности, лишений, обнадеживания. В письме из Кировопода, извлеченного из сводки писем газеты «Правда» за 1957 г., значится характерное недовольство: «В нашей стране много разговоров о демократии со стороны руководителей нашей партии и правительства, но эта демократия только на бумаге, а на деле свободное высказывание своего мнения, взглядов влечет за собой предание суду с последующим отправлением в лагерь. Наш советский человек всю свою жизнь живет только хорошими перспективами, которые ему из года в год обещают. Наш народ свыкся с бедностью и нищетой, он привык довольствоваться тем, что ему преподносят в обещаниях. Но современное руководство КПСС и правительство не учитывает одного, что на одних бесконечных обещаниях далеко теперь уехать нельзя. Они не учитывают, что наш народ весь этот обман понимает и придет время, когда он скажет свое веское слово. Нашему народу сейчас ясно, что, имея неограниченные богатства в своей стране, имея большое трудолюбие – он лишен возможности пользоваться всеми богатствами, созданными его руками. Наше богатство, созданное потом нашего народа, разбазаривается направо и налево в виде даров и подарков, приемных обедов и завтраков. Эти богатства эшелонами идут во все концы земного шара и в первую очередь в страны народной демократии, улучшая жизнь людей, в тот момент, когда свой народ ведет нищенское существование»⁸.

В оценках происходящего ставился вопрос о глубоком размежевании общества и назревавшем на этой почве конфликте между рабочими и руково-

дителями [Столетова 2021]. Управленцев волновали вопросы производительности труда, текучести кадров, специализация и кооперирование, качество продукции. На совещании партийных работников РФ от 30 июля 1962 г. высказывалась мысль: «В строительстве заработная плата росла быстрее, чем производительность труда. Мы должны помнить, что социалистическое воспроизводство, накопление государственных резервов можно обеспечить лишь при условии, если темпы роста производительности труда будут опережать темпы роста заработной платы»⁹. При этом не каждый хозяйственник заботился о создании крепкого коллектива и проводил идейно-воспитательную работу. Наоборот, многие вели свою деятельность исключительно в приказном порядке. Так, в начале 1960-х гг. в ЦК КПСС поступило письмо рабочих завода «Рубильник» из Курской области с рассказом о том, как состоялась их встреча с директором по обсуждению недостатков в работе. Руководитель, по словам подчиненных, вел себя по-хамски, как будто завод не государственное предприятие, а его собственность. Он заявлял: «Что вам не нравится, что сало и масло подорожали? Может вам и советская власть не нравится?» Когда же один из присутствующих попросил слова, заместитель директора произнес: «Никакого слова тебе не даю, и надо встать, когда говорит директор; это вам не профсоюзное собрание, а кабинет директора»¹⁰. Об отсутствии близости к коллективу и грубости со стороны начальства писали в начале 1960-х гг. в ЦК КПСС рабочие шахты треста «Ленинуголь» Луганского совнархоза: «Начальник шахты занимается очковитирательством, нарушает трудовое законодательство, в обращении с людьми допускает унижение и оскорбление достоинства человека. Его излюбленные выражения: “выгоню”, “убирайся с моей шахты”, “Рабочие? Да это звери! В Сибирь их, в Сибирь!”»¹¹. Авторы писем сокрушались об усечении социального братства, возмущались пренебрежительным, черствым отношением к людям, установлением общественного неравенства [Столетова 2020]. В 1961 г. только по предприятиям и организациям, на которых была проведена проверка ЦК КПСС, было выявлено 68 тыс. сверхштатных работников и около 33 тыс. человек, незаконно удостоенных завышенных окладов на сумму примерно 80 млн. руб.¹² «Вы живете в шикарных квартирах, получаете огромные оклады, и ваши жены не стоят в тысячных очередях за перловкой. Я как честный советский человек, больше не могу терпеть и решил написать о Ваших не честных, несправедливых делах. Вы обижаете советских рабочих. Вы довели до того, что мужчина не в состоянии прокормить самую малую семью из 3-х человек. Рабочие получают 70–100 руб. Вы подсчитали, чтобы хватало на хлеб да на воду, да кое-как одеть-

ся, а все остальное забираете, получается что-то вроде продразверстки. Сейчас люди боятся иметь своих детей, т.к. лишний рот ведет к нищенству. Вы хотели отнять у женщин кастрюлю, но сунули им в руки кувалду и кастрюлю в придачу. Зачем нужно было строить дворец съездов, когда многие еще без квартир живут, на земле без полов. Королям дарят миллионы, а с советского рабочего стараются высосать последнюю копейку. На заводе за один нерабочий день отрезают на одну копейку мыло! Это уже не экономия, а крохоборство», – обращаясь к представителям государственно-партийного аппарата писал ростовчанин Е.М. Гусев в письме от 15 февраля 1964 г.¹³

Безнадежность, безысходность, обреченность как эмоциональные основы бытийного отношения к труду и власти стали результатом не только экономических сложностей, распространенности хищений, дефицита, дороговизны, кумовства и блата, но и разочарованности в идеологической основе Советского государства [Столетова 2019]. Обескураживала людей не только классовая разница в обеспеченности, но и региональная дифференциация уровня жизни населения: «Когда бываешь в Москве и Ленинграде, то видишь, что народ там живет хорошо. Но почему это не по всей стране? Сколько можно ждать хорошей жизни? Мы уже забыли, когда у нас в магазине было мясо, а если к великому празднику выбросят, как собакам, то очередь на два квартала. А вот обкомовским и облисполкомовским привозят и продают в закрытых магазинах все, что их душе желательно. А на базаре нашли себе кормушку спекулянты, – сидят и держат на все цены. Яблоки гниют, да и другие фрукты, но они цену держат, и никому до этого дела нет. Все это правда, и она наболела у простого народа. Вы послушайте в автобусах, да и вообще, народную массу», – зафиксировано в письме в «Правду» из Ферганы за 1973 г.¹⁴

Противоречия повседневной жизни вызывали душевные переживания. Разрушался образ комсомольца как борца за коммунизм, которому чужды буржуазные ценности и пессимистические настроения. Отсюда возникали проявления шабашничества и барышничества, несоответствующие коммунистическим эталонам. Частнособственническая мораль как реакция на затяжные экономические трудности, как основа мировоззрения и черта общественного сознания, развивающаяся не только в руководящей, но и в низовой части производственного социума получила в 1950–1980-е гг. новые стимулы. Обстоятельства разрастания идей стяжательства и приобретательства в рабочей среде, а также становление соответствующих моделей поведения признавала государственная власть. В документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» за 1960 г. отмечалось: «В колхозе им. Лени-

на (Пермская область) работал гражданин Григорьев. Росли доходы колхоза, улучшалась и жизнь Григорьева. Однако личные интересы стали преобладать над общественными. В колхозе он работал всего 2–3 месяца в году, искал высоких заработков. Тем временем он расширил свое хозяйство. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: «Да я, пожалуй, не подхожу для партии»¹⁵. Известна также целая серия документов, касающихся решений партийного контроля, признающих факты разнообразных идеологических проступков («недостойных советского руководителя») бригадиров, директоров производств, председателей партийных органов¹⁶.

В целом в большинстве исследованных эпистолярных источников фонда РГАНИ в искомый период регистрируется отрицательный психологический тонус, отсутствие энтузиазма у многих пишущих авторов, недовольных жизнью. К материальным и продовольственным проблемам добавлялся вопрос о праве на отдых и невозможности его осуществления. В анонимном письме из Красноуральска Свердловской области от 1987 г., адресованном М.С. Горбачеву, указывалось, что «свободных мест для отдыха трудящихся не осталось, т.к. везде “царствуют” руководители предприятий»¹⁷. Настроения людей, вызванные нерешенностью и углублением процессов социального неравенства, дистанцирования и поляризации общества все более приближались к социальной апатии. В мировидении граждан укреплялись идеи, связанные с неприятием власти, ее несправедливым руководством, неверием в благоприятное будущее страны.

Таким образом, мировоззрение поколения периода 1950–1980-х гг. трансформировалось под воздействием целого спектра социально-экономических преобразований, блока политических новаций. Производственная часть социума оказалась вовлеченной в серьезные модернизационные процессы и веяния новой обыденности. Изменения коснулись не только позиций численного роста трудящихся, процесса пролетаризации колхозников и осознания рабочими себя как класса, но и уклада жизни, социальной психологии, ментальных сторон, ценностных основ сознания личности. В ходе этапов построения нового общества и развития государственной идеологии переосмысливались моральные установки, идеалы, сознание, повседневные привычки.

Острое восприятие экономического неравенства и политического «беззакония» привело к общественному разобщению и противостоянию между социальными категориями производственной структуры. Изначально «низы» общества – городские и сельские труженики, пролетарии настаивали

на коллективизме, уравнительности, справедливости, считая значимой категорией и условием органичной жизни возможность трудиться. Однако процесс трансформации институтов, определявших экономический строй России 1950–1980-х гг., способствовал вызреванию новой социально-трудовой общности. На новой платформе среди всех категорий производителей, особенно в период позднего социализма, перестраивалось и переосмысливалось отношение к труду, собственности, образу жизни, комфорту, бытовым удобствам и пристрастиям.

Специфичность социально-экономических изменений и капиталистический фон порождали особые поведенческие характеристики граждан. К примеру, руководители партийных плановых, финансовых органов, директора, начальники производств отходили от традиционных воззрений о материальном достатке, вектор их движения был направлен в сторону овладения сбережениями, формальными и неформальными имущественными правами. Поведенческие клише, нравственно-управленческие ценности и идеалы испытывали некий слом, монетизировались. Средние и высшие классы производственной пирамиды (управленцы, научно-техническая интеллигенция, специалисты) выстраивали нетипизированную частнособственническую ось поведения, сопряженную в представлениях рядовых тружеников с разного рода «злоупотреблениями», полулегальными или теневыми сферами экономики.

В низовой части производственного социума в рассматриваемый период также обозначился крен в сторону накопительства материальных средств, потребительства, преумножения личного благосостояния. Постепенно менялось представление о значимости труда. Предполагаем, что здесь обозначилось пересечение интересов социальных групп и перекрещивание путей их правового и экономического измерения. Вместе с тем корректировались психологические портреты рабочих. В эпоху позднего социализма складывающееся превосходство персональных интересов и потребностей обозначило восприятие трудовой деятельности как требующей материального поощрения с коннотацией разобщения, размежевания производственных коллективов. При этом традиционные ментальные скрепы продолжали оставаться устойчивыми. Граждане писали о важности совместного труда и досуга среди соседей, частный быт еще не укоренился в сознании людей, изолированность вызывала депрессивные чувства. Те же процессы и их углубление истолковывали на страницах художественных и публицистических произведений писатели [Белов 1985; Белов 1987].

Ощущение явной разницы в уровнях жизни между гражданами, принадлежавшими к производственной и надпроизводственной частям (держате-

лям властных полномочий) социума являлось определяющим фактором для обвинений, составлений сообщений во властные структуры о тех или иных нарушениях, связанных с хищениями, воровством, денежными махинациями, и требований социальной справедливости. Все большие проявления личностного разложения (когда человек не обходился малым), сопредельность власти к этим процессам вызывали стойкое социально-психологическое неприятие со стороны рядовых трудящихся. Аппарат трудовых стеснений и ограничений, культивируемых обычаев [Столетова 2021b], существовавших негласно, порождал искажение мировоззренческих установок и стандартов граждан, выливавшееся в закономерно разрастающиеся явления тунеядства, нежелание работать на благо общества («на дядю») и государства. И если в 1950-е гг. претензии и жалобы «низов» были скорее направлены на предостережение власти, предвосхищение распространения явлений индивидуализма, потребленчества и шабашничества, присвоения и расхищения социалистической собственности, то в дальнейший период именно данные маркеры времени легли в основу деколлективистского сознания, этики выживания социального поля рабочего класса, а также его противостояния с управленческо-хозяйственными структурами.

Примечания

¹ Волков Н. Две трудовые книжки // Блокнот агитатора. 1963. № 22. С. 38–48.

² Там же.

³ Российский государственный архив новейшей политической истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 12–15.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 70.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193. Л. 28.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 284. Л. 6–7.

⁷ Там же. Л. 6, 8.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193. Л. 28.

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 459. Л. 239.

¹⁰ Там же. Л. 254.

¹¹ Там же. Л. 335.

¹² Там же. Л. 332.

¹³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–56об, 57.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 144. Л. 155.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 4–5.

¹⁶ См. например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 86. Л. 13–18.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 228. Л. 2.

Список литературы

Источники

Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1985. 302 с.

Белов В.И. Все впереди: роман. М.: Сов. писатель, 1987. 236 с.

Вопросы труда в СССР: сборник статей. М.: Госполитиздат, 1958. 407 с.

Труд в СССР: статистический сборник / государственный комитет СССР по статистике, Информационно-издательский центр. М.: Финансы и статистика, 1989. 302 с.

Труд в СССР: статистический сборник / центр статистического управления при Совете Министров. М.: Статистика, 1968. 342 с.

Исследования

Безнин М.А., Димони Т.М. Власть и собственность в России (конец 1920-х – первая половина 1930-х гг.): общероссийский и региональный аспекты // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2022. С. 12–17.

Гилязитдинова Е.Д. Роль общественного мнения в формировании коммунистического отношения к труду у рабочих социалистического производственного коллектива: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1984. 177 с.

Кечин М. Рабочий класс и Советская власть на закате СССР // Коммунисты столицы. 2016. 4 марта.

Лузан П.П. Роль производственного коллектива в обеспечении устойчивости рабочих кадров // Социалистический производственный коллектив. М.: Мысль, 1964. С. 135–149.

Лузан П.П. Социальное развитие коллектива и изменение содержания труда. М.: Экономика, 1978. 63 с.

Молодецкая В.С. Трудовая мобильность: трансформация теоретических подходов в условиях общественных изменений // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 2. С. 104–111.

Озерникова Т.Г. Институциональные факторы формирования трудовой мотивации в советский период // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 125–147.

Попова А.Д. «Гражданином быть обязан!» (Эволюция представлений о социальной активности в ментальных установках советских граждан) // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 30–39. DOI <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.003>

Редин А. К вопросу о власти рабочего класса в СССР // Прорывист. 2016. 20 мая.

Столетова А.С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 402–422. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-402-422>

Столетова А.С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) // Научный диалог. 2021а. № 10. С. 480–498. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-481-498>

Столетова А.С. Низовой сегмент производственного социума России в 1950-1960-е гг.: источники по проблеме восприятия социально-экономического и политического неравенства // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 233–248. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-233-248>

Столетова А.С. Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ) // Вестник Костромского государственного университета. 2021b. Т. 27, № 3. С. 61–70. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-379-391>

Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2(21). С. 17–21.

Темницкий А.Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 66–85.

Хронова И.А., Хлабыстова Н.В. Особенности отношения власти и народа к социокультурному феномену «тунеядство» в различные исторические периоды // Социология и право. 2018. № 1(39). С. 57–69.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Vlast' i sobstvennost' v Rossii (konets 1920-kh – pervaya polovina 1930-kh gg.): obshcherossiiskii i regional'nyi aspekty* [Power and property in Russia (late 1920s – first half of the 1930s): all-Russian and regional aspects]. *Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regional'nogo upravleniia na Evropeiskom Severe* [Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North]. Syktyvkar, Komi respublikanskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby i upravleniia Publ., 2022, pp. 12–17. (In Russ.)

Giliazidina E.D. *Rol' obshchestvennogo mneniia v formirovanii kommunisticheskogo otnosheniia k trudu u rabochikh sotsialisticheskogo proizvodstvennogo kollektiva: dis. ... kand. filos. Nauk* [The role of public opinion in the formation of a communist attitude towards work

among workers of a socialist production collective, PhD thesis]. Kazan', 1984. 177 p. (In Russ.)

Kechinov M. *Rabochii klass i Sovetskaia vlast' na zakate SSSR* [The working class and Soviet power at the end of the USSR]. *Kommunisty stolitsy* [Communists of the capital]. 2016, March 4. (In Russ.)

Luzan P.P. *Rol' proizvodstvennogo kollektiva v obespechenii ustoiчивости rabochikh kadrov* [The role of the production collective in ensuring the stability of the workforce]. *Sotsialisticheskii proizvodstvennyi kollektiv* [Socialist production collective]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, pp. 135–149. (In Russ.)

Luzan P.P. *Sotsial'noe razvitiie kollektiva i izmenenie soderzhaniia truda* [Social development of the collective and changes in the content of labor]. Moscow, Ekonomika Publ., 1978. 63 p. (In Russ.)

Molodetskaia V.S. *Trudovaia mobil'nost': transformatsiia teoreticheskikh podkhodov v usloviakh obshchestvennykh izmenenii* [Labor mobility: transformation of theoretical approaches in the context of social changes]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Region Institute of Management]. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 104–111. (In Russ.)

Ozernikova T.G. *Institutsional'nye faktory formirovaniia trudovoi motivatsii v sovetskii period* [Institutional factors in the formation of labor motivation in the Soviet period]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* [Historical and economic studies]. 2002, no. 1, pp. 125–147. (In Russ.)

Popova A.D. “Grazhdaninom byt' obiazan!” (*Evolutsiia predstavlenii o sotsial'noi aktivnosti v mental'nykh ustanovkakh sovetskikh grazhdan*) [“You are obliged to be a citizen!” (Evolution of ideas about social activity in the mental attitudes of Soviet citizens)]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia* [Bulletin of Humanitarian Education]. 2020, no. 1(17), pp. 30–39. DOI <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.003> (In Russ.)

Redin A. *K voprosu o vlasti rabocheho klassa v SSSR* [On the issue of working class power in the USSR]. *Proryvist* [Proryvist]. 2016, May 20. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Material'noe polozenie sovetskikh grazhdan v zerkale obshchestvennogo mneniia 1960–1980-kh godov (po dannym pisem v tsentral'nye organy vlasti i SMI)* [The financial situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion in the 1960s–1980s (according to letters to central government bodies and the media)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2020, no. 3, pp. 402–422. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-402-422> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Mental'nost' i stereotipy obshchestvennogo povedeniia v usloviakh obydennosti 1950–1980-kh godov (dokumental'nye svidetel'stva evoliutsii)* [Mentality and stereotypes of public behavior in everyday life in the 1950s–1980s (documentary evidence of evolution)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2021a, no. 10,

pp. 480–498. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-481-498> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Nizovoi segment proizvodstvenno-go sotsiuma Rossii v 1950-1960-e gg.: istochniki po probleme vospriiatiia sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo neravnopraviia* [The Lower Segment of the Industrial Society of Russia in the 1950s–1960s: Sources on the Problem of Perception of Socio-Economic and Political Inequality]. *Vestnik arkhivista* [Vestnik arkhivista]. 2023, no. 1, pp. 233–248. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-233-248> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Obychai i mentalitet proizvodstvennogo sotsiuma v realiiakh povsednevnosti 1960–80-kh gg. (na primere interpretatsii arkhivnykh materialov fonda RGANI)* [Custom and Mentality of the Industrial Society in the Everyday Realities of the 1960s–80s. (based on the interpretation of archival materials from the RGANI collection)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2021b, vol. 27, no. 3, pp. 61–70. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Osobennosti khishchenii gosudarstvennoi sobstvennosti v RSFSR 1960–1980-kh godov* [Features of theft of state property in the RSFSR in the 1960s–1980s]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2019, no. 12, pp. 379–391. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-379-391> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Razmezhevanie proizvodstvennogo sotsiuma v usloviakh novoi obydenosti*

1950-kh gg. (na primere pisem rabochikh v TsK KPSS) [Delimitation of the production society in the conditions of the new everyday life of the 1950s (on the example of workers' letters to the Central Committee of the CPSU)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2021, no. 2(21), pp. 17–21. (In Russ.)

Temnitskii A.L. *Otnoshenie k trudu molodykh rabochikh promyshlennykh predpriatii v sovetskii i post-sovetskii periody* [Attitude to work of young workers of industrial enterprises in the Soviet and post-Soviet periods]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2003, no. 4, pp. 66–85. (In Russ.)

Khronova I.A., Khlabytova N.V. *Osobennosti otnosheniia vlasti i naroda k sotsiokul'turnomu fenomenu "tuneiadstvo" v razlichnye istoricheskie periody* [Features of the attitude of the authorities and the people to the socio-cultural phenomenon of "parasitism" in different historical periods]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law]. 2018, no. 1(39), pp. 57–69. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.